

Если Мадонна и обращалась к своему поколению, она все равно была вынуждена делать это через саму себя. Некоторые ее откровения приводили в уныние. Несмотря на много-миллионнодолларовый урожай своей популярности, она все еще не достигла гиперболической прижизненной популярности Мэрилин Монро. Мадонне удивляются, но ее не любят. Или любят не так, как Мэрилин.

Любовь к Мэрилин объясняется просто. Она была американской звездой 50-х годов, но она говорила о еще более простом времени — о 30-х годах. Она оставалась храброй и верной во всех печалях — об этом говорила ее лучезарная приветливая улыбка. Мэрилин держала свои горести при себе, и зрители оплакивают ее, потому что она все отдавала им и приносила себя в жертву, пока внутренние недуги не привели ее к гибели.

Мадонна не только выжила, но и предпочла, возможно, исходя из необходимости, выжить, вынести свои причуды на публику: «Вы хотите быть со мной? Что ж, черт побери, я вас вылечу». Она не лжет балзам на раны окружающим, она как неумолимый тренер показывает миру, как все трудно в жизни, особенно секс и его потребление. Но она дает то, чего никогда не могла дать Мэрилин. Нечто менее привлекательное, но не менее ценное: она драматически показывает, как может быть опасна всякая человеческая правда, если мы возьмем ее исследовать. Она напоминает нам, что радости жизни зжигаются на битом стекле. Она все не падающая католичка. Она всегда говорит: «Мы рождаемся среди кала и мочи». Но это правда, и дорога в рай, если вы ее найдете, будет пролежать между двумя этими субстанциями.

Большинство людей, даже самых блестящих, — это сосуды. Когда вы исчерпаете то, что в них интересно, вы коснетесь дна кувшина. И больше не будет ничего, кроме повторения того, что вы уже слышали. Разговаривать с Мадонной писателю Мэйлеру было интересно. Она еще не вычерпала до дна саму себя. И, может быть, это никогда и не случится...

Нормана Мэйлера удивило место, избранное ею для проживания. Мадонна встретила его в квартире в двух измерениях, расположенной в классическом доходном доме 60-х годов возле западной части Центрального парка. В комнатах под высоченными потолками царил послеобеденный полумрак. Западная часть Централ-парка — излюбленное место верхушки среднего класса, людей с четко определенными обязанностями, надежными и приносящими успех профессиями и нерушимой семейной жизнью, не допускающей злоупотреблений любовью.

Для интервью была избрана гостиная на верхнем этаже — комната с белыми стенами, темно-коричневым ковром и тремя массивными стульями, обитыми темной материей.

Две из четырех стен были заняты портретом Пикассо работы Доры Маар и картиной Леже, на третьей было окно, выходящее как раз в парк, а четвертая блистала зеркалами, хромом, стеклом и была отделана черной панелью. Удивительно холодная комната.

Она напоминала номера в лучших отелях стран Южной Америки, живущих под диктаторскими режимами: черный, коричневый и белый цвета как бы подчеркивают, что у каждой власти есть своя цветовая гамма. Мэйлер невольно подумал, что Муссолини был бы счастлив в такой комнате.

Конечно, мельком он увидел проблески розового цвета в длинной афишаде других комнат, но только не в гостиной! Какой контраст по сравнению с удивительными яркими цветами музыкальных видеороликов Мадонны!

Писателя встретила помощница Мадонны Кариза, невысокая общительная девушка. Она общалась вместе с ним по винтовой лестнице, предложила ему выпить и ушла. Четверть часа спустя появилась Мадонна. Не прошло и пяти минут, как она попросила его вложить магнитофон, словно незаписанное предисловие могло испортить хороший диалог. И потекли часы вопросов и ответов.

Если в ее квартире было что-то диктаторское, то в интервью она проявила приятную искренность. Так показались Мэйлеру. Слово бы дала Мадонна разделена на две части. Одна из них обладает мировой славой, а другая до сих пор в той или иной степени принадлежит маленькой девочке, вышедшей из низов среднего класса, уроженке Детройта. Эта маленькая девочка чувствует в каждом ее дыхании. С ней и должны иметь дело люди, желающие понять Мадонну.

МАДОННА. Когда я выступаю на сцене или в телевизионном шоу, я отключаю себя от себя. Я уже не контролирую ту, другую, женщину. Хотя я и знаю, что все это связано с моей психологией и моей душой, но я ничего не могу с этим поделать.

МЭЙЛЕР. Художник — это всегда некто другой по сравнению с тем, кто занят повседневной рутиной. Один из них как бы говорит другому: «Я разрешу тебе при тех или иных условиях...» А другой

отвечает: «Дай мне заняться своим делом, и я не стану тебя беспокоить в остальное время».

МАДОННА. Совершенно верно. Это интересно.

МЭЙЛЕР. По мере того, как человек стареет, две эти половины души все больше сближаются.

МАДОННА. Правда? Буду ждать, что когда-нибудь обрету согласие с самой собой.

Он был удивлен полной достоверностью, ее интонацией, ибо перед этим, когда он видел ее на фотосъемке, ему показалось, что у нее была легкая депрессия, хотя, вероятно, это было реакцией на телешоу, состоявшееся 31 мая и организованное Дэвидом Леттерманом (во время которого Мадонна держалась вызывающе вульгарно и употребляла

если бы я ничего о вас не знал, я бы подумал: «Ну, она леди...»

МАДОННА. Кого вы подражаете под словом «леди»?

МЭЙЛЕР. Больше всего я ненавижу феминисток за экспроприацию языка. «Леди» — это удивительное слово. «Леди» — это женщина, которая сделает все то же, что и другая женщина, но более стильно.

МАДОННА. Хорошо сказано!

МЭЙЛЕР. Так или иначе, увидев вас, я думаю: «Это одинокая женщина».

МАДОННА. Почему одинокая?

МЭЙЛЕР. Такой у вас ореол самоуглубленности.

МАДОННА. Но в это никто не поверит. Все думают, что я все выношу на публику.

на от остального человечества. Вы не думаете, что в этом и заключается самая странная ирония?

МЭЙЛЕР. Как вы знаете, я не отношусь к поклонникам вашей книги «Секс». Ее металлическая обложка казалась клейкой на ощупь, а спираль на корешке все время цеплялась за что-то, когда я пытался открыть или закрыть книгу.

МАДОННА. Вы говорите о том, как издана книга, а я призываю вас посмотреть на нечто другое и прочитать сам текст. Вы говорите, что вам не нравится книга из-за металлической обложки...

МЭЙЛЕР. Ну, разрешите мне начать с мелочей, а потом перейти к главному. Мне показалось, что в вашем тексте, несмотря на его увлекательность, вы с чем-то переборщили или чего-то недоговорили. В своем нынешнем виде книга оказалась неискренней, хотя и остроумной. Думаю, что если бы вы хотели сказать, как в «Сексе», «меня не интересуют порнофильмы, потому что в них все уродливо, пошло и глупо», и если вы одновременно собирались шокировать людей, то надо было вам самой сняться обнаженной. Смотри на ваши полуобнаженные фотографии, я думаю, что вы уклонились от этого, как если бы вы или ваши советники сказали: «Обнаженная натура может навредить нам с коммерческой точки зрения. Мы предпочитаем тихое порно». Многие оттолкнулись нескрываемым коммерческим характером вашего «Секса». Чувствовалось, что вы себя рекламируете, не желая в то же время раскрыться перед публикой. Это приводит к потере читателей.

МАДОННА. Тогда почему все покупали мою книгу?

МЭЙЛЕР. Это не критерий. Люди покупали ее из-за вашей манеры поведения. А вы преследовали чисто денежные цели.

МАДОННА. Это верно.

МЭЙЛЕР. В книге «Секс» вы говорите: «Презервативы — это не обязанность, а необходимость». Об этом я и хочу поговорить. Единственное, что можно сказать о презервативах, это то, что с ними вы теряете от 20 до 50 процентов удовольствия. Безопасный секс — это часть общего заболевания нашей страны. Мы всегда ищем один странный способ или программу, чтобы решить серьезную проблему.

МАДОННА. Так вы не считаете, что презервативы полезны?

МЭЙЛЕР. Они ужасны.

МАДОННА. Я согласусь с вами: с ними чувствуешь себя ужасно, но они защищают от заболеваний.

МЭЙЛЕР. То есть от СПИДа? Да. Но это поверхностный эффект. А если взять глубже, то для многих секс — это вообще непорочно. А сейчас, когда тень СПИДа витает над гомосексуалистами, переплетения секса способна запугать человека.

МАДОННА. Тень СПИДа

витают не только над гомосексуалистами. Она витает над всеми нами. В мире много бисексуалов, которые не придают значения своему прошлому. Поэтому трудно сказать: «Я никогда не буду спать с гомосексуалистом». Этого никогда не знаешь.

МЭЙЛЕР. С презервативом теряется радость от начала полового акта, чувство вхождения в тело женщины. Может быть, вообще лучше отказаться от полового акта и ограничиться другими видами секса? А потом, если вы действительно любите другого человека, вы скажете: «Ну и черт с ним. Я все-таки попробую. Если я умру, то умру во имя любви».

МАДОННА. Если вы любите этого другого человека.

МЭЙЛЕР. А презервативы говорят: «Никогда не умирайте во имя любви или чего-либо, на нее похожего». Возможно, на уровне эмоций очень трудно отличить желание, наполненное личной теплотой, от настоящей любви. Они очень близки, но отличаются своей кармой. Поэтому, когда вы не пользуетесь презервативами, вы по крайней мере можете сказать себе: «Я так хочу этого человека, что во имя него пойду на смерть» или «Я люблю этого человека достаточно, чтобы решиться на это».

МАДОННА. Да, но, как вы сказали, большинство людей с трудом отличает желание от любви. Так как узнать, к чему вы стремитесь: к смерти или к любви?

МЭЙЛЕР. Никто этого не знает. Вы только ощущаете интенсивность своих чувств. Если ваше желание удовлетворяется полноценно, тогда вы поймете, с чем имеете дело — с любовью, или гневом, или жадной обладания, или со всем вместе. По крайней мере вы больше узнаете о себе. Я ненавижу презервативы за то, что, кончая, вы знаете меньше о себе. И это усугубляет человеческую жажду власти. Это как сигареты с фильтром и уменьшенным содержанием никотина, поэтому люди затягиваются глубже и потребляют то же самое количество никотина. Люди, пользующиеся презервативами, имеют больше сексуальных контактов, ибо получают от них меньше удовлетворения.

МАДОННА. В известной мере я разделяю вашу точку зрения. Когда вы с кем-то знакомитесь и влюбляетесь, вы думаете: «Я хочу использовать свой шанс». Так было и со мной. Я не собираюсь утверждать, что с тех пор, как узнала о СПИДе, имела отношения лишь с мужчинами, надевавшими презервативы. Это было бы ложью. И я думаю, что надо идти на все во имя человека, о котором можно сказать: «Я люблю его достаточно, чтобы не думать, что может случиться со мной, — я хочу испытать свою судьбу».

МЭЙЛЕР. С вами, значит, так было? И вы не исключали возможности СПИДа?

МАДОННА. Я даже не думала об этом. Я просто решила: «Инстинкт мне говорит, что это правильно». Но я бы никогда не сделала этого сразу, еще не зная человека. Да, труднее познать человека — в физиологическом смысле слова — посредством презерватива. Это кошмар! Но можно поступить и иначе: спать с кем-либо в течение месяца, пользоваться презервативом, а потом вместе сдать анализы на СПИД. У меня так тоже было. «У нас отрицательные анализы, так что давай попробуем без презерватива». А через десять лет может оказаться, что мы оба больны, просто анализы этого не выявили, так что здесь тоже шансы могут быть разными.

МЭЙЛЕР. Ну, презервативы — это одна из составных частей обширного бессознательного заговора, имеющего своей целью сделать все частью социальной машины. Мы постепенно теряем и некоторые личностные качества, которые у нас еще оставались.

МАДОННА. Ну а если подойти к этому более легкомысленно, разве нельзя сказать себе: если это заставляет каждого подумать, с кем он спит, то это ведь хорошо, не так ли? Не надо слепо и бездумно плыть по течению. Может быть, это способ заставить людей задуматься, насколько им нужен человек, с которым они спят. Понимаете, что я имею в виду?

МЭЙЛЕР. Знаете, я думаю, секс всегда был опасен. В средние века, когда не знали современных лекарств и методов контрацепции, женщина должна была любить мужчину или испытывать сильное желание, чтобы вступить с ним в связь, потому что, забеременев, могла умереть. Тогда было очень легко умереть — кажется, каждая десятая женщина умирала при родах. Это означало, что ваш любовник мог стать вашим палачом. Может быть, так это и было задумано. Божья заповедь — относиться к сексу серьезно. Не надо отступать от нее.

МАДОННА. Я никогда об этом не задумывалась.

МЭЙЛЕР. Но в своей работе вы смело обращаетесь с сексом: смеетесь над ним, но вы никогда не ставили под вопрос его серьезность. Вы просто говорите своей аудитории: «Смотрите, вы волнуетесь, потому что у меня больше шансов, чем у вас. За это вы меня ненавидите».

Публикация подготовила Ольга АЛЕКСАНДРОВА.

Мадонна:

Страсть — это когда вдвоем идешь сдавать анализ на СПИД

Норман МЭЙЛЕР, выдающийся американский писатель и по совместительству бывший муж Мэрилин Монро, взял интервью у «первой леди» американского секса

не вполне цензурные выражения. — Прим. переводчика).

МАДОННА. Удивительно, что Дэвид Леттерман вообще попросил меня выступить в шоу. Я все время говорила: «Я не хочу ничего рекламировать, зачем я вам?» А он отвечал: «Просто приходи к нам, будь естественной, глупой, веселой. Мы хорошо проведем время». Прежде чем я появилась в шоу, ко мне в уборную заглянули все его сценаристы, обрушившие на меня груды чепухи, которую я должна была сказать. И это было оскорбительно. Почути над этим, посмейся над его причудой и т. д. и т. п. Мне кажется, он заранее знал план игры, заключающийся в том, что мы с ним должны были совоккупиться на глазах зрителей. Я сказала некоторым из этих писак, что буду ругаться, а они ответили: «О'кей, это прекрасно. А мы еще прибавим визгу, чтобы это походило на истерику». Я чувствовала себя великолепно и думала, что так же чувствует себя и Дэвид. Я не думаю, что он мог заранее предвидеть, в какую историю попадет, но раз уж так получилось, то на следующий день он должен был просто сказать: «Мы хорошо провели время, повеселились, и все было по взаимному согласию». Может быть, кто-то выразил другое мнение, а ему хотелось навредить своей репутации, вот он и сказал прессе: «Она была поистине отвратительной и вела себя ужасно», — и начал спасать свой имидж.

МЭЙЛЕР. И что вы чувствуете после этого?

МАДОННА. Я не думаю, что меня можно чем-либо обидеть или шокировать. Все и так уже думают, что я сумасшедшая.

МЭЙЛЕР. А я решил взять у вас интервью, чтобы показать, что вся ваша вина состоит в том, что вы слишком уравновешенный человек.

МАДОННА. О боже мой...

МЭЙЛЕР. Или по крайней мере если не вы, то та половина вашей души, которая будет участвовать в интервью.

МАДОННА. Думаю, что это так. Я действительно человек, очень регламентирующий свое мышление.

МЭЙЛЕР. В самом деле,

У меня, конечно, было достаточно времени, чтобы обдумать все плюсы и минусы широкой популярности и проанализировать, как люди на меня реагируют. Знаменитость может рассчитывать на всеобщее одобрение в течение определенного времени. Люди живут вашей жизнью, мечтают стать такой, как вы, и хотят делать то, что делаете вы. Но это не может продолжаться вечно, потому что с вами обязательно должно что-нибудь произойти: вы должны исчезнуть, выйти из моды, или выйти замуж и нарожать кучу детей, стать толстой и т. д. Или быть пьяницей или наркоманкой. Или все время попадать в реанимацию, чтобы тебя жалели. Или покончить с собой в конце концов. А со мной ничего подобного не случилось, и люди начали говорить: «О, ее карьера закончилась, она погибший человек, неудачница». И это так трагично звучит.

МЭЙЛЕР. Сейчас, если у людей есть какая-то власть в прессе, они прилагают все усилия, чтобы ее увеличить. Для них главное не деньги, не секс, не еда и не удовольствие, а проницательность. Для них ошибиться — все равно, что утратить эрекцию. Они ненавидят вас за то, что вы опровергаете их прогнозы.

Каждый раз, когда вы ощущаете пустоту внутри, скажите себе самой: «Я — американская королева секса! О боже, кто бы мог подумать!»

МАДОННА. Да. Кто бы мог подумать! Когда выступаешь, и перед тобой сотни тысяч людей на стадионе, и все они там из-за тебя — ответственность за двухчасовое развлечение этих людей устрашает и опустошает. Потом возвращаешься к себе в отель и не можешь выйти, ибо слишком знаменита, чтобы все не двинулось за тобой и не пришлось бы вызвать 20 телохранителей. Поэтому ты сидишь у себя в номере, в то время как все остальные чувствуют себя прекрасно, будучи никому не известными, а ты думаешь: «Черт побери! Что-то в жизни не так». Ибо сейчас ты испытываешь чувство самого невероятного одиночества. Да, все тебя обожают в едином массовом порыве, а потом ты совершенно отделе-

тельность, вы с чем-то переборщили или чего-то недоговорили. В своем нынешнем виде книга оказалась неискренней, хотя и остроумной. Думаю, что если бы вы хотели сказать, как в «Сексе», «меня не интересуют порнофильмы, потому что в них все уродливо, пошло и глупо», и если вы одновременно собирались шокировать людей, то надо было вам самой сняться обнаженной. Смотри на ваши полуобнаженные фотографии, я думаю, что вы уклонились от этого, как если бы вы или ваши советники сказали: «Обнаженная натура может навредить нам с коммерческой точки зрения. Мы предпочитаем тихое порно». Многие оттолкнулись нескрываемым коммерческим характером вашего «Секса». Чувствовалось, что вы себя рекламируете, не желая в то же время раскрыться перед публикой. Это приводит к потере читателей.

МАДОННА. Тогда почему все покупали мою книгу?

МЭЙЛЕР. Это не критерий. Люди покупали ее из-за вашей манеры поведения. А вы преследовали чисто денежные цели.

МАДОННА. Это верно.

МЭЙЛЕР. В книге «Секс» вы говорите: «Презервативы — это не обязанность, а необходимость». Об этом я и хочу поговорить. Единственное, что можно сказать о презервативах, это то, что с ними вы теряете от 20 до 50 процентов удовольствия. Безопасный секс — это часть общего заболевания нашей страны. Мы всегда ищем один странный способ или программу, чтобы решить серьезную проблему.

МАДОННА. Так вы не считаете, что презервативы полезны?

МЭЙЛЕР. Они ужасны.

МАДОННА. Я согласусь с вами: с ними чувствуешь себя ужасно, но они защищают от заболеваний.

МЭЙЛЕР. То есть от СПИДа? Да. Но это поверхностный эффект. А если взять глубже, то для многих секс — это вообще непорочно. А сейчас, когда тень СПИДа витает над гомосексуалистами, переплетения секса способна запугать человека.

МАДОННА. Тень СПИДа